

УДК 821.511.132-32

Кузнецова Татьяна Леонидовна
г. Сыктывкар, ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
kuznetsovat1@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО Е.В. РОЧЕВА: ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЖИЗНИ¹

Аннотация. Рассмотрены особенности художественного осмысления жизни коми писателем Е.В. Рочевым. Выявлено, что они определяются спецификой мироотношения автора и находят выражение в ироничности, а также в лирическом переживании жизни.

¹ Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира» (рег. № 122040800170-7).

Ключевые слова: литературы финно-угорских народов, современная коми литература, творчество Е.В. Рочева, лиричность, ирония, условные формы.

Произведения Е. Рочева занимают в современной коми литературе особое место; он – один из немногих коми писателей, чье творчество связано с тундрой. Родившийся в Большеземельской тундре, в семье потомственных оленеводов, Егор Васильевич не понаслышке знает непростое ремесло, особенности жизни обитателей тундры. Представитель ижемских коми Е. Рочев воссоздает в своих произведениях особенности культуры этой этнической группы.

Традиции оленеводства, рыболовного и охотничьего промыслов, быт, сформированный суровыми климатическими условиями, во многом определили своеобразие характеров его героев (повести «Батьлön ордым» (Тропа отца, 1971); «Дзолюк» (Малышок, 1980); «Тер Мишлön висьтасьом» (Исповедь Тер Миша, 1986); «Кузь вöт» (Долгий сон, 1995); «Кöрысь тэрыбджык» (Быстрее оленя, 1998); пьесы «Сiмтöм ёльяс» (Нержавеющие ручьи, 1986¹); «Тöлын оз дзордзавны пуяс» (Зимой не цветут деревья, 1991); рассказы «Праскан» (Праскан, 1974); «Тундраса кутш» (Тундровый орел, 2006) и др. произведения).

Тундра не только «составляет» смыслообразующие аспекты творчества Е. Рочева²; картина жизни, воссозданная писателем, во многом определена особенностями мировидения жителя крайнего севера. В образе тундры, являющемся, пожалуй, основным в творчестве Е. Рочева, сфокусирована яркая эмоциональная энергия, имеющая лирическую природу. Формирование образа тундры коррелирует со специфической ролью субъекта повествования: в текст включены лирические обращения («Гашкö, тэ, тундра, кутшöмкö дойяс кылан аслад еджыд морöс вылысь? Гашкö, тэно видзысь

¹ По пьесе Е.В. Рочева «Сiмтöм ёльяс» был поставлен спектакль республиканским драмтеатром.

² В абсолютном большинстве произведений Е. Рочева воссоздана повседневная жизнь обитателей тундры, этнография ижемцев, особенности нелегкого труда оленеводов, описана природа тундры. Об этом: Кузнецова 2003а: 16–25 .

колö? Коді, тундра, тэнад пастукыс? Кöні сійö?» ‘А, может, тундра, ты какие-то боли слышишь на твоей белой груди? А может, нужен тебе охраняющий? Кто, тундра, твой пастух? Где он?’), внутренние монологи.

С тундрой, ее природой и климатом связаны не только образ жизни и характер героев произведений Е. Рочева, но и особенности их мироосмысления, переживание ими отношений с миром. Так, личностные установки нравственного характера, что составляют основу важнейших ценностных ориентиров героев произведений Е.В. Рочева, связаны и с тундрой. «Кор нитшсялö мортлön сöвесьтыс, сэки гöльмö нитшкыс тундра эжсьыс» ‘Когда покрывается мхом совесть человека, тогда беднеет мох на поверхности тундры’, – утверждает старый оленевод, герой пьесы «Сімтöм ёльяс».

Особые тона получает образ тундры в произведениях Е. Рочева, адресованных детям¹. Образ Митрука, маленького обитателя тундры, героя произведения, переведенного на многие языки, стал своеобразным олицетворением севера.

Отношение к миру Е. Рочева неизменно иронично²; вечное стремление обнаружить противоречивую основу сущего и готовность рассмотреть парадокс придают аналитичность его мышлению и стилю. Для манеры письма Е. Рочева характерно стремление к внешней объективности повествовательной формы при наличии внутреннего эмоционально-оценочного содержания. Е. Рочев, чья проза в ироническом осмыслении весьма выразительно характеризует драматичную современность, обнаруживает искони присущую ему мудрость, сомневаясь, вызывая иронический эффект в вечном стремлении приблизиться к истине; самоирония, выражая

¹ Цикл рассказов Е. Рочева о сыне оленевода Лева был переработан: на его основе написана на русском языке повесть «Маленький Митрук и большая тундра» (главный герой получил имя Митрук) для детей младшего школьного возраста, которая вышла в свет в Москве в издательстве «Детская литература» (1974). Она получила широкую известность, была переведена на украинский, молдавский, эстонский, удмуртский и др. языки. В 1983 г. Е. Рочев опубликовал ее продолжение – повесть «Митрук петö тундрайсь» (Митрук покидает тундру). В 1998 г. увидела свет следующая повесть Е. Рочева о Митруке – «Кöрысь тэрыбджык» (Быстрее оленя).

² О категории комического в творчестве Е. Рочева подробнее: Кузнецова 1994: 55–57; Кузнецова 2003б: 147–151.

особенности мышления автора, связана с мировоззренческими установками.

Для писателя характерно и умение создавать иронические образы. Так, об одном из героев рассказа «Сõмын милицияõ эн сюрõдчы ...» (Только в милицию не попади..., 1980), в определенных ситуациях проявляющего неравнодушие к алкоголю, автор пишет: «Федэр ногõн, ичõт сикт – дзоля кабак, ыджыд сикт – гажа кабак, а карыд сылы – адззывлытõм на кабак» 'По мысли Федора, небольшое село – маленький кабак, большое село – веселый кабак, а город для него – не виданный еще кабак'. Героев, не относящихся серьезно к жизни, живущих развлечениями, автор называет «гõликъяс» (веники из прутьев).

Глубокий нравственно-психологический кризис, испытываемый современником¹, нашел выражение и в характерах героев произведений Е. Рочева. Так, журналисту Паршукову, герою повести Е. Рочева «Кузь вõт» (Долгий сон, 1995), суждено познать состояние творческого бессилия, и в конце печальной истории его жизни он оказывается отторгнутым социумом элементом.

Произведения Е. Рочева наглядно свидетельствуют об усугублении мотивов смерти в его творчестве². Главный герой его повести «Тер Мишлõн висътасьõм», испытывая чувство глубокого одиночества, все же противостоит разрушающейся реальности; его смерть в финале произведения можно расценить как неприятие героем окружающей действительности. Герой его следующей повести «Кузь вõт» и не пытается противостоять разрушающей силе; его существование в состоянии приспособившегося – это медленная смерть (моральная и физическая). Не случайно в качестве эпиграфа писателем взяты горькие в пронизательной мудрости слова пословицы «Шондї улын олам, кыз му улõ пырам» 'Под солнцем живем, в сыру землю уйдем'. Уход героя из жизни воспринимается

¹ Исследователями совершенно справедливо отмечено, что «в последние десятилетия внимание отечественных и зарубежных исследователей привлечено к феномену увеличения в обществе числа людей с фрагментарным, неустойчивым, индифферентным сознанием, утрачивающим историческую глубину и связность, культурную память, теряющим критерии для различения нового и старого, истины и заблуждения, правды и вымысла» (Никитина 2009: 31).

² Об этом подробнее см. (Кузнецова 2000: 112–122).

как естественный исход его сложных, разрушившихся отношений с миром. А в повесть «Кӱрысь тэрыбджык» писатель вводит эсхатологические мотивы, в мрачных тонах изображая общую картину гибели природы севера, вырождения ее обитателей.

Писатель демонстрирует чувство готовности освободиться от социальных детерминативных связей. Утверждение приоритета природных, естественных начал жизни, знаменующего освобождение от социальных пут, позволило выработать новый взгляд и на человека, увидев его силу и мощь, что обнажились в невероятно сложной, драматичной современной ситуации. Герой тяготеет к тому, чтобы осознать меру личной ответственности: автор стремится выявить, насколько человек самодостаточен. В эпоху, когда герой, исполненный эсхатологическими ощущениями, в полной мере почувствовал, что мир хаотичен и непознаваем, в нем появляются силы, дающие возможность задать себе главный вопрос: в нем рождается чувство ответственности. Подспудное стремление осознать меру ответственности, осмыслить связи с обществом находит формы выражения в мотиве вины, необходимости переоценить жизненный опыт, испытать глубокое покаяние. Осуждающие ноты таятся в строках, повествующих о герое произведения Е. Рочева «Кузь вӱт», бывшем журналисте, потерявшем связи с обществом, жизнью: «Вотіс стрӱка лыд, кыйіс дзуг, ачыс сэтчӱ шедіс» 'Набирал число строк, готовил ловушку, куда попал сам'. В повести получает развитие мотив вины, нашедший концентрированное выражение в мысли о том, что неудавшаяся жизнь Паршукова – божья кара («Да, предок, тэ тырвыйӱ тайӱн вештін асьыд мыжтӱ. Ен суд улӱ веськавлін» 'Да, предок, ты этим полностью искупил свою вину. Божий суд наказал', – объявляет Паршукову суд в утопическом обществе будущего).

Стремление писателя осмыслить связь времён при преобладании эсхатологических настроений, духа разрушения, пафоса негатива нашло выразительные формы и в утопическом мышлении. Апокалиптические ощущения, во многом определяющие и природу утопического мышления, находят форму выражения в грустной самоиронии. Так, в повести «Кузь вӱт» Е. Рочев, обращаясь к традиционному приему утопической литературы – изображению

прекрасного будущего во сне, создавая яркие фантастические картины будущего¹, не смог насытить их силой подлинной веры. Уничижительно едкая ирония, развенчивающая, разрушающая советское прошлое, таится все-таки в области мировоззренческих основ творчества автора: в красочных утопических зарисовках заложена некая вечная несбыточность. Утопия Е. Рочева – словно явно недостижимая и потому ироничная мечта, рождённая в минуту отчаяния. Она создана, чтобы составить иронический контраст советской реальности, и, в сущности, строится на обломках разрушающегося мира, является своего рода плачем по рухнувшему, безвозвратно ушедшему (видимо, близки к истине утверждения исследователей о том, что «утопическая мечтательность – форма ностальгии» (Чаликова 1990: 437). Хотя социально справедливое, благополучное устройство жизни в городе Шондікар (Солнечный город) выражает идеальные представления автора, в основе сюжета о чудесном, мудром обществе будущего лежит мысль о неверии в духовную мощь человека. Неспроста президент, управляющий утопическим государством, – робот. Радужные фантастические картины, представляющие утопию, согреты чувством глубокой грусти; ощущение безысходности питает сознание автора. Совмещающая черты научно-технической и социальной утопии, мысленный эксперимент Е. Рочева вызван к жизни безнадежным отчаянием и глубокой депрессией: постоянным фоном безоблачной жизни Шондікара служит повествование о нелепом, абсурдном существовании советского общества. В утопии Е. Рочева нашёл выражение импульсивный вызов обезумевшему миру, это – найденный в едином порыве способ уйти от реальности.

Горькое в своей убежденности осознание неотвратимости происходящих разрушительных перемен, породившее гротескной силы образ героя повести Е. Рочева «Кӱрысь тэрыбджык» Семена Ивановича, язык которого достиг невероятных размеров, также освещено некой могучей энергией, что аккумулируется авторским началом: «... Кывйыс эз кут воддза мозыс уджавны да, сыыс ли мӱдторйысь, заводитис вом пытшкас ыдждыны, – не то госсялӧ, не то быдмӧ. ... Олӧ-вылӧ Семен Ивановичлӧн кывйыс аслас местаын

¹ В.А. Латышева вполне справедливо утверждает, что в повести Е. Рочева фантастика заключает утопический идеал (Латышева 1998: 74–76).

пензионер моз, и водзё госсялö ...» ^... Язык не стал работать, как прежде, и оттого ли от другого начал увеличиваться внутри рта – то ли жиреет, то ли растёт... Живёт-поживает язык Семена Ивановича на своем месте, как пенсионер, и дальше жиреет ...¹. Художественное решение, к которому приходит Е. Рочев, выражает явившуюся в отчаянии мысль о вырождении: образ героя повести, чей язык принял патологические формы, выражает болезненные формы мироощущения современника. Образ, в основе которого лежит гипербола, наполняется силой гротеска; под воздействием апокалиптических предчувствий ирония Е. Рочева облачается в мрачные тона. В художественных формах, рожденных Е. Рочевым², словно нашел концентрированное выражение дух времени. Следует отметить, что данный образ героя Е.В. Рочева имеет аллюзии и с творческим миром Н.В. Гоголя: на наш взгляд, в нем нашел отражение носологический сюжет³. Действительно, «апокалиптическое мышление Н.В. Гоголя», по мысли исследователей, сформировавшее «особую поэтику – “неклассическую”, поэтику деформаций» (Клягина 2007: 125) во многом близко мироощущению современника, остро чувствующего катастрофичность мира.

Итак, творчество Е.В. Рочева представляет достаточно своеобразное художественное явление. В переживании жизни самобытным коми писателем значима роль авторского отношения, приобретающая субъективность особого рода, что нашло выразительное воплощение в лирическом образе тундры. Особенности художественного мышления автора коррелируют и с ироничным взглядом на происходящее, что выражается также в условных формах. В его творческих исканиях воссоздан противоречивый лик жизни, выразились эсхатологические ощущения современника, его стремление осознать меру личной ответственности за разрушившиеся связи и отношения, утвердиться в собственных силах и возможностях.

¹ Следует отметить, что Е. Рочев обращается и к автореминисценции: данный мотив – заболевание языка вследствие того, что герой в течение жизни говорил много неправды, – получает развитие и в его рассказе «Чеччы да эн дыр гыжъясь» (Вставай да долго не почесывайся, 2004).

² В данном случае разрушение форм жизнеподобия связано с выражением авторского отношения.

³ Сюжет, получивший воплощение в рассказе Н.В. Гоголя «Нос».

Литература и источники

Клягина Л.Р. Художественное сознание Гоголя в прозе начала XX века (Д. Хармс и К. Вагинов) // Литература Урала: История и современность. – Сборник статей. – Вып. 3. – Т. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 125–129.

Кузнецова Т.Л. Комическое в коми литературе. – Сыктывкар, 1994. – 73 с.

Кузнецова Т.Л. Осмысливая пережитое... (некоторые тенденции развития современной коми прозы) // Арт. – 2000. – № 2. – С. 112–122.

Кузнецова 2003а – Кузнецова Т.Л. Сбстӧмлы да бурлы эскӧ (Верит в чистое и хорошее) // Кузнецова Т.Л. Литература сбман туйяс: гижысь да кад (статья чукӧр) (Пути развития литературы: Писатель и время (сборник статей). – Сыктывкар: Эскӧм, 2003. – С. 16–25.

Кузнецова 2003б – Кузнецова Т.Л. Кыпид видзӧдлас да теш (талунья прозаын серамбана визь) (Жизнерадостный взгляд и смех, шутка (комическое в современной коми прозе) // Кузнецова Т.Л. Литература сбман туйяс: гижысь да кад (Пути развития литературы: Писатель и время (сборник статей). – Сыктывкар, 2003. – С. 147–151.

Латышева В.А. Чуймӧдана кузь вӧт (Поразительный длинный сон) // Войвыв кодзув (Северная звезда). – 1998. – № 6. – С. 74–76.

Никитина Е.А. В поисках утраченного единства сознания: исчезло ли «я»? // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2009. – № 5. – С. 31–44.

Чаликова В.А. Послесловие // Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – С. 436–448.